

ФОРМИРОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ Ф.-С. ЛАГАРПА: ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕАЛЫ И РУССКАЯ ПРАКТИКА*

А. Ю. АНДРЕЕВ

Формирование воспитательных идеалов в русской образовательной культуре является актуальной проблемой, изучаемой в современной исторической науке. В данной статье эта проблема рассмотрена на примере становления педагога, которому было поручено обучение внуков императрицы Екатерины II, — швейцарца Фредерика-Сезара Лагарпа. В статье показано, что, несмотря на высокую репутацию, существовавшую в конце XVIII в. в отношении швейцарских воспитателей в целом, Лагарп не был профессиональным педагогом; его выбор этой карьеры оказался во многом случайным, вытекавшим из желания закрепиться на службе в России. В то же время, будучи зачисленным ко двору, Лагарп приложил немалые усилия в освоении педагогической литературы эпохи Просвещения и смог «создать свою должность», став по сути главным учителем Александра I, оказавшим огромное влияние на становление его личности. Педагогика Лагарпа находилась в тесной связи с идеями, выраженными в педагогической «Инструкции», написанной Екатериной II, и ближе всего выражала идеи самой императрицы по воспитанию для России нового просвещенного монарха. К «образовательному стандарту», выдвинутому Лагарпом, относились основные науки эпохи Просвещения с акцентом на историю и философию, а также «гражданское воспитание», которое должно помочь будущему правителю составить «ясное сознание своих обязанностей». Однако реализация этих идей наталкивалась на противодействие со стороны придворной атмосферы, окружавшей внуков Екатерины II, приводила к ряду конфликтов, следствием которых явился в целом незавершенный характер воспитания Александра I.

Начиная с 1780-х гг. при российском императорском дворе появилась целая плеяда учителей-швейцарцев, призванных воспитывать внуков и внучек Екатерины II. Российская императрица, сделав свой выбор гувернеров в пользу уроженцев Швейцарии, лишь последовала общей европейской традиции, насчитывавшей не одно десятилетие.

Франкоговорящие швейцарцы — как правило, уроженцы земли Во (Pays de Vaud), расположенной между Женевским озером и Юрскими горами, — во вто-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-21-41001.

рой половине XVIII в. пользовались большим спросом в качестве учителей, гувернеров и гувернанток в разных странах Европы. Их знание французского языка и владение манерами считались образцовыми, притом что сама французская культура и образованность уже давно прописались в этой земле: вблизи Женевы и Лозанны жили Вольтер, Ш. Боннэ, О.-Б. де Соссюр, А.-С. Шаванн и другие просветители; отсюда же был родом Ж.-Ж. Руссо. В 1770–1780 гг. в Ивердоне выходила в свет «Энциклопедия, или Универсальный словарь человеческих познаний», второй после труда Дидро и Даламбера подобный свод. Это выдающийся труд большой группы водуазских просветителей, в некоторых отношениях даже превосходивший французский первообраз. К очагу культуры на берегах Женевского озера еще с середины XVIII в. тянулись и российские дворяне, которые во множестве отдыхали здесь, лечились, посещали лекции местных профессоров и даже поселялись постоянно, образуя долговременную русскую колонию¹.

Неудивительно, что в России конца XVIII в. не только великие князья и княжны были окружены иностранными гувернантками и учителями-наставниками, происходившими из земли Во. Не отставали от них и влиятельные дворянские семьи, как, например, Бибиковы, Чернышёвы и Разумовские, а также некоторые менее знатные аристократы, нанимавшие швейцарцев для воспитания своих отпрысков. При этом на российский «образовательный рынок» эти учителя в XVIII в., как правило, попадали не самостоятельно, но благодаря своим же авторитетным соотечественникам, которых представители российской элиты просили порекомендовать «надежных людей» для выполнения педагогических поручений. Такая эмиграция частных преподавателей явилась важным вектором межкультурных обменов между Швейцарией и Россией, который сравнительно недавно стал предметом пристального изучения историков².

Ряд швейцарских наставников при российском императорском дворе открыл уроженец земли Во Ф.-С. де Лагарп³. Его появление в Петербурге оказа-

¹ Обзор присутствия российского дворянства в данном регионе в XVIII см. в сборнике: *Deux siècles de présence russe en Pays de Vaud* (sous la dir. de D. Auberson et O. Meuwly). Genève, 2013; а также *Смекалина В. В.* «Когда судьба велит вам быть в Лозанне...» Русские путешественники в кантоне Во в последней трети XVIII — первой трети XIX в. // *Родина*. 2013. № 6. С. 56–58; *Тозато-Руго Д.* Семья Головкиных: русские аристократы на республиканской земле // *Родина*. 2014. № 1. С. 18–20.

² См.: *Goehrke C.* Die Auswanderung aus der Schweiz nach Russland und die Russlandschweizer. Eine vergleichende Forschungsbilanz // *Revue suisse d'histoire*. № 48. (1998). P. 291–324; *Солодянкина О. Ю.* Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) // *Отечественная история*. 2008. № 4. С. 9–23; *Тихонова А. В.* Швейцарские учителя в России в первой половине XIX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 9. С. 142–147; *Тозато-Руго Д.* «Пользуются репутацией людей порядочных и серьезных»: швейцарские гувернеры и гувернантки в России (1750–1850) // *Родина*. 2014. № 1. С. 30–34.

³ Фредерик-Сезар Лагарп (1754–1838) родился в городе Ролль на Женевском озере. Выполняя роль ментора для братьев Ланских, весной 1783 г. Лагарп прибыл с ними в Петербург, где был определен в штат придворных «кавалеров» внуков Екатерины II, великих князей Александра и Константина, с 1784 г. вошел в число их учителей и стал основным наставником, преподававшим французский язык и литературу, математику, географию, историю, философию и начала права. В мае 1795 г. покинул Петербург, в 1797–1798 гг. внес существенный вклад в подготовку революции в Швейцарии, с середины 1798 до начала 1800 г. входил в правительство (директорию) Гельветической республики. Затем поселился в Париже. В 1801–1802 гг.

лось в некотором смысле типичным: прежде чем получить назначение наставником к внукам Екатерины II, великим князьям Александру и Константину, он заручился покровительством фаворита императрицы, Александра Дмитриевича Ланского, а установление связей с семейством Ланских стало для Лагарпа возможным благодаря посредничеству его друга и соотечественника из земли Во Жана-Франсуа де Рибопьера, который уже находился на русской службе с 1778 г. и породнился здесь с семьей Бибиковых. В свою очередь Рибопьер обязан своим появлением в России непосредственно Вольтеру, который жил близ Женевы и порекомендовал Екатерине II этого молодого человека из среды своих близких знакомых⁴. Непосредственно же само назначение Лагарпа ко двору в 1783 г. состоялось через посредничество еще одного швейцарца, Даниэля-Луи Фроссара де Сожи, секретаря президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова (а чуть позже Фроссар де Сожи женился на сестре Рибопьера).

Не касаясь подробно истории этого «куста» уроженцев земли Во в Петербурге (который с приездом Лагарпа лишь разрастался, поскольку тот давал дальнейшие рекомендации по приглашению швейцарских учителей из числа своих земляков к российскому двору), в данной статье хотелось бы остановиться лишь на нескольких аспектах, характеризующих Лагарпа как педагога, становлении и истоках его педагогических воззрений, а также его роли как посредника на «рынке» швейцарских гувернеров и гувернанток в Петербурге конца XVIII в.

В биографических работах о Ф.-С. Лагарпе уже затрагивались его педагогические взгляды (хотя многих историков, особенно в Швейцарии, интересовала в первую очередь его политическая деятельность, а также отношения с Александром I, когда тот стал российским императором). Назовем, прежде всего, графа А. С. Уварова, который в конце 1860-х гг. первым обнаружил и описал учебные рукописи Лагарпа, переданные в Лозаннскую библиотеку⁵. В те же годы на вопросах деятельности Лагарпа как педагога остановился М. И. Сухомлинов — первый и до недавнего времени единственный из российских историков, которому удалось в полной мере познакомиться с основным содержанием архива Лагарпа в Лозанне⁶. К сожалению, в последующем доступ к этому архи-

навестил в Петербурге императора Александра I вскоре после его восшествия на престол и участвовал в разработке концепций либеральных реформ в России. Поддерживал постоянную переписку с Александром I по политическим вопросам, на Венском конгрессе (1815) вместе со своим учеником активно занимался урегулированием государственных проблем Швейцарии. В конце жизни проживал в Лозанне, где готовил издание своей корреспонденции с Александром I и составлял мемуары, в том числе о своем пребывании в России (подробнее об этом см.: Андреев А. Ю. «Записки» Ф.-С. Лагарпа как источник по истории России конца XVIII — начала XIX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 4 (53). С. 7–22).

⁴ См.: Bader P.-L. Un Vaudois à la cour de Catherine II: François de Ribaupierre (Ivan Stepanovitch), 1754–1790. Lausanne; Genève, 1932.

⁵ См.: Уваров А. С. Бумаги Лагарпа, хранящиеся в публичной библиотеке в Лозанне // Русский архив. 1869. Кн. I. Ст. 75–81.

⁶ См. Сухомлинов М. И. «Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I» (1871) // Он же. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 37–142.

ву был закрыт, а потому Б. Б. Глинскому⁷, Н. К. Шильдеру⁸ и другим авторам, писавшим о воспитании Александра I, приходилось довольствоваться цитатами, извлеченными из труда Сухомлинова (а также опубликованными в 1870 г. в «Сборнике РИО» письмами юного великого князя Александра к своему наставнику⁹). Не лучше обстояло дело и в Швейцарии — в 1902 г. Луи Шнейдер опубликовал в Лозанне (без указания имени автора) трехсотстраничную книгу с названием «Воспитатель принца»¹⁰, которая по сути полностью вторична. Из-за того что ее составитель не имел доступа к архиву Лагарпа, ему пришлось пользоваться материалами, уже опубликованными в России, т. е. почерпнутыми из тех же работ Сухомлинова и Шильдера, подчас занимаясь обратным переводом (с русского на французский) цитат Лагарпа. Какой-то новизны по сравнению с разобранными у Сухомлинова основными принципами педагогики Лагарпа эта монография не внесла, но при этом стала источником распространенных ошибок, в частности утверждения, что Лагарп якобы руководил всем образовательным процессом вокруг великих князей Александра и Константина в качестве «главного воспитателя» (на самом деле эту должность всегда занимал Н. И. Салтыков¹¹).

На современном этапе развития историографии к общему обзору педагогических воззрений царского наставника обращались Ж.-Ш. Бюде и Ф. Нико, которым принадлежит заслуга публикации писем Лагарпа и Александра I¹², и в последние годы — М. П. Рей в фундаментальной работе об Александре I, а также в специальной статье¹³. Свежий взгляд на «выбор гувернера» (т. е. начало деятельности Лагарпа в качестве педагога) дал в своей статье А. Ф. Строев¹⁴, введя для этого в оборот несколько новых писем из лозаннского архива. Тем не менее, за исключением последней работы, до самого недавнего времени источниковая база при анализе воспитательных концепций Лагарпа ограничивалась ссылками

⁷ Глинский Б. Б. Республиканец при русском дворе // Исторический вестник. 1888. Т. 34. № 10. С. 54–96.

⁸ Шильдер Н. К. Император Александр I: его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 280–282.

⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1870. Т. 5. С. 1–121.

¹⁰ [Schneider L.] Le gouverneur d'un prince. Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier de Russie. D'après les manuscrits inédits de F.-C. de Laharpe et les sources russes les plus récentes. Lausanne; Paris; Fribourg-en-Brisgau, 1902.

¹¹ См.: Сафонов М. М. «Господин Александр» и Салтыковы // Родина. 2005. № 3. С. 38–42.

¹² Baudet J. Ch., Nicod F. Introduction // Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille impériale de la Russie (publiée par J. Ch. Baudet et F. Nicod). Neuchâtel, 1978–1980. Vol. 1–3; здесь Vol. 1. P. 9–64.

¹³ Rey M.-P. Alexandre Ier. P., 2009. P. 54–64; Rey M.-P. De Rolle à Saint-Petersbourg, l'itinéraire d'un homme d'influence, F.-C. de La Harpe, précepteur et confident du tsar Alexandre Ier // Frédéric-César de La Harpe. 1754–1838 (sous la direction d'Olivier Meuwly). Lausanne, 2011 (слегка измененная русская версия этой статьи: Рей М.-П. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель будущего императора Александра I // Французский ежегодник. 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М., 2011. С. 233–244).

¹⁴ Строев А. Ф. «Выбор гувернера»: Фридрих Цезарь Лагарп, Фридрих Мельхиор Гримми Карл Фридрих Тиманн // Там же. С. 218–232.

на Сухомлинова и Шильдера (а у иностранных авторов, соответственно, на компиляцию, выполненную Шнейдером)¹⁵.

В задачу данной статьи входит привлечь как уже известные, так и новые, впервые вводимые в научный оборот источники¹⁶, чтобы попытаться реконструировать становление и развитие «идеала воспитания» у Лагарпа — идеала, которым он руководствовался в первую очередь при воспитании конкретного ученика — великого князя Александра, будущего императора, но который имел и общее значение, поскольку в его центре было образование не императора, но человека, нравственное воспитание совершенной личности эпохи Просвещения.

Становление Лагарпа как педагога началось в 1782 г., когда бывший адвокат принадлежавшей Бернской республике «апелляционной палаты по делам земли Во», раздосадованный частыми столкновениями с бернскими властями, искал перемен в карьере и взялся (по рекомендации Рибопьера) за исполнение образовательной миссии в семье Ланских — сопровождать двух ее отпрысков в путешествии по Италии. Первоначально исполняя функции ментора и гида, Лагарп смог попробовать себя здесь и в более обширной роли: во время длительного пребывания в Генуе осенью 1782 г. он начал преподавать младшему из Ланских, Якову, историю и французский язык. Несмотря на скудость источников, до нас дошло одно письмо Лагарпа, важность которого подчеркивается тем, что оно оказалось среди бумаг Екатерины II — по данному письму (а возможно, и другим несохранившимся) императрица составила себе представление о педагогических достоинствах швейцарца¹⁷.

Лагарп писал прежде всего о необходимости систематических занятий с юным Яковом Ланским, который до сих пор (а тому было 18 лет) «не обладал познаниями основательными». Для этого Лагарп предлагал составить «план действий», рассчитывая на продолжение заграничного путешествия, а в качестве основной меры советовал направить Ланского в один из европейских университетов: «Там сделалась бы ему ясна необходимость получить образование, а от сего пробудился бы в нем вкус к серьезным занятиям. Вдобавок общение

¹⁵ Изменить ситуацию призван текущий проект, выполняемый совместно историками Московского и Лозаннского университетов и посвященный широкому введению наследия Ф. С. Лагарпа в научный оборот (см.: URL:<http://lumiere.unil.ch>). На большом материале из архива Лагарпа уже написаны статьи (в частности, касающиеся рассматриваемой здесь темы: Андреев А. Ю. Воспитание великих князей Александра и Константина Павловичей глазами Ф.-С. Лагарпа // Филаретовский альманах. Вып. 9. М., 2013. С. 90–122) и готовится полное издание переписки Александра I с его швейцарским наставником. Первый том издания уже вышел: Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы: В 3 т. Т. 1: (1782–1802) / А. Ю. Андреев, Д. Тозато-Ригго, сост., коммент. М., 2014 (далее — Письма. Документы...).

¹⁶ К последним относится переписка Лагарпа из Петербурга в период воспитания великих князей с родными и близкими в земле Во — родителями, наставником Ж.-М.-Л. Фавром, а также доверенными друзьями — А. Моно и А. Полье. Эта переписка, насчитывающая десятки писем, хранится в архивных фондах Кантональной и университетской библиотеки г. Лозанны, а также Кантонального архива Во. Об источниках о деятельности Лагарпа в России см. подробнее: Андреев А. Ю. Переписка Александра I с Ф.-С. Лагарпом: история бытования // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 21–30.

¹⁷ Это письмо Лагарпа к барону Гримму от 4 января 1783 г. из Вены впервые опубликовано в переводе на русский язык в издании: Письма. Документы... Т. 1. С. 169–171.

с особами образованными разожгло бы в нем страсть к соревнованию, и, видя, что уважают его смотря по тому, сколь хорошее применение находит он своим талантам, постарался бы он уважение заслужить именно таким образом. Наконец, пришлось бы ему часто дело иметь с иностранцами, кои ни грубых выходок, ни гневливых речей сносить не привыкли и приучили бы его если не из почтения к другим, то хотя бы из заботы о собственном благополучии подавлять сии порывы, коих общество не приемлет ни от кого, а особливо от человека совсем молодого»¹⁸.

В этой фразе Лагарп, с одной стороны, явно опирается на собственный опыт учебы в Тюбингенском университете (где он провел два года, получив степень доктора права), но, с другой стороны, надо подчеркнуть, что для Лагарпа учеба способствует овладению не только науками, но и особым типом «благовоспитанного поведения» в обществе, развитию личного характера и вкуса. Самое же главное, как звучит далее в письме, Лагарп рассматривает образование как «противоядие» к праздности и развлечениям, царящим в крупных столичных городах и при европейских дворах, от чего всеми силами хочет предохранить своего питомца. Он боится, что в Петербурге «очень трудно будет господину Ланскому вновь за учебу приняться и что среди развлечений, удовольствий, а также, возможно, и льстецов, не найдет он в себе сил для деятельности полезной»¹⁹. Последнюю мысль — об опасностях для «честного человека» находиться среди льстецов и угодников большого света (в которой можно видеть или просто общее настроение педагогики эпохи, или конкретные отзвуки концепции воспитания Ж.-Ж. Руссо, с трудами которого Лагарп знакомился во время учебы в Женеве) — швейцарец будет развивать потом многократно при воспитании Александра I.

Но по дороге в Петербург Лагарп еще не уверен, какой род службы изберет в дальнейшем, колеблясь между статской и военной карьерами, как о том свидетельствует его письмо к близкому другу Анри Полье (из Вены от 11 января 1783 г.): «По правде, я бы предпочел заниматься более делами политическими, чем военными, при прочих равных обстоятельствах, поскольку первое имеет большую связь с теми особенными занятиями, которым я себя посвятил прежде, а также с моей системой поведения и моралью, поскольку в силу этого я бы здесь более уверенно вступил на служебное поприще и приносил бы пользу, и, наконец, поскольку эта стезя более позволила бы мне реализовать некоторые из моих идей. Что касается карьеры военного, то, хоть я и выучил уже неосознанно некоторые подготовительные к ней науки, столь долго занимаясь математикой, однако не могу сказать, чтобы меня сегодня вдохновляло бы великое желание броситься туда... Впрочем, в стране, где почти каждый является (или был) военным, именно к этому роду службы приковано основное внимание, и значительная часть должностей гражданских или политических отдана людям, выбранным именно из этого класса, притом что одно не исключает другого. Отталкиваясь от этого, мой дорогой Полье, в предположении (на которое нет еще никаких оснований),

¹⁸ Письма. Документы... Т. 1. С. 169–171.

¹⁹ Подробнее об этом см. Андреев А. Ю., Тозато-Руго Д. Александр I и Лагарп — ученик и учитель в годы революций и либеральных реформ // Письма. Документы... Т. 1. С. 34–35.

что мне предложат военную должность, которая привязала бы меня к столице, я склонен принять ее в надежде, что это мне сослужит пользу в получении в дальнейшем места на политической или гражданской службе»²⁰.

И лишь прибыв в российскую столицу, где перед ним достаточно неожиданно открылась перспектива воспитывать внуков Екатерины II, Лагарп окончательно делает себя педагогом: вдохновленный «высоким поручением», он в первый год жизни в России жадно поглощает литературу о воспитании и в переписке с швейцарскими друзьями постоянно обращается к этим вопросам. Выбирать нужные книги ему помогал его земляк и друг, сыгравший в жизни Лагарпа роль ментора, Жан-Марк-Луи Фавр, отсылавший его к педагогическим трудам основоположников эпохи Просвещения. Вот что он писал Лагарпу, например, в декабре 1783 г.: «Среди более чем двадцати тысяч томов, напечатанных с 1760 года, быть может, нельзя найти ничего лучше, чем то, что уже напечатал Локк более века тому назад, — это должно лишь усилить ваше почтение к сему великому человеку. Кондильяк — его ученик во всем. Только что вышел “Адель и Теодор, или Опыт об образовании” мадам де Жанлис (три тома in 12°, Париж, 1782). Там изложено множество хорошего, особенно об умениях и навыках! В области средств к образованию г-н Кампе из Гамбурга составил “Нового Робинзона” и еще несколько книг, весьма хорошо сделанных, чтобы помочь учителям. Вам будет весьма полезно обзавестись ими. <...> Но в общем и целом все основные принципы воспитания содержатся у Локка, других учить не надо; их следует применять лишь в случае особенного характера личности. Кто он? Кем он станет? Вот вопросы, коих никогда нельзя терять из вида»²¹.

В подручную библиотеку, которой Лагарп пользовался в годы службы наставником великих князей, помимо Локка, вошли жизнеописания Плутарха, различные наставления античных писателей, многие главы Монтеня, «Эмиль» Руссо, а также трактат о национальном образовании француза Ле Шалотэ²². Читая их, Лагарп стремился выработать для себя цельную педагогическую систему, в которой (в полном соответствии с идеями Локка) главную роль играло наблюдение, опыт. Принципами этой системы он охотно делился с Фавром: «Как вы прекрасно сказали: каков предмет воспитания? Кем должен стать ученик? Именно от исследования многочисленных идей, заключенных в смысле этих двух вопросов, и должна зависеть система воспитания. Самой лучшей книгой является опыт как в моральном, так и в физическом отношении. Разве деяния людей, в особенности тех, которым когда-нибудь суждено править, не заслуживают наблюдения столь же тщательного, какое физик использует, чтобы проверить разнообразные колебания атмосферы? <...> Хорошая система должна основываться на фактах, и мне кажется, что система образования также должна покоиться на последовательности хорошо изученных наблюдений»²³.

²⁰ Bibliothèque cantonale et universitaire de Lausanne (BCU Lausanne). Fonds La Harpe (IS 1918). Н 37.

²¹ Письмо Фавра к Лагарпу от 3.12.1783 (BCU Lausanne. Fonds La Harpe. J 72).

²² См.: Альбина Л. Л. Личная библиотека Фредерика Сезара де Лагарпа // Книга в России: Век Просвещения. Тезисы доклада 4-й Всесоюз. научн. конф. (Ленинград, 11–13 дек. 1990 г.). Л., 1990. С. 123–125.

²³ Письмо Лагарпа к Фавру от 9/20.1.1784 (BCU Lausanne. Fonds La Harpe. Н 20).

Из этих постулатов Лагарп надеялся вывести два преимущества своей системы: с одной стороны, она давала ему возможность лучше узнать характер и склонности своего ученика, с другой — та же система помогала вскрыть недостатки собственных методов и постараться их исправить. Поклонник математики, Лагарп и к воспитанию подходил с лекалами точной науки.

Любопытно, каким образом швейцарец сразу же стал применять свою «опытную» систему к преподаванию французского языка юным великим князьям Александру и Константину. Семилетний Александр (воспитанный няней-англичанкой) совсем не говорил по-французски, и его обучение началось с картинок. «По счастью, — пишет Лагарп, — умел я рисовать; юный великий князь под моими рисунками писал названия предметов по-русски, а я — по-французски. В течение зимы 1784 года посещал я его все чаще, и начинали мы уже понимать друг друга»²⁴. Чуть позже та же методика была применена Лагарпом и в обучении великого князя Константина.

Таким образом, начало преподавания языка по необходимости явилось чисто практическим, чтобы позволить учителю и ученикам понимать друг друга. Но и в дальнейшем Лагарп продолжал использовать именно такой метод, избегая перехода на теоретический уровень. Летом 1785 г. ему даже пришлось отчасти оправдываться за то, что великий князь Александр и особенно Константин делали слишком много ошибок на письме по-французски: «Я Их Императорским Высочествам всякий день французские диктовки даю для того, чтобы их более легким, быстрым и надежным способом французскому языку обучить. С этой целью решил я не только с буквами французскими их познакомить, но и научить их различать, слышать и быстро узнавать разные звуки. Затем постарался их научить способу этими буквами обозначать звуки, четко произносимые. Наконец, когда научились они звуки узнавать и их записывать, показал им, как слоги образуются, а из этих слогов — целые слова. <...> Если же в том, что Их Императорскими Высочествами великими князьями под мою диктовку писано, буквы порой небрежны, вот в чем сему общая причина: <...> когда диктовал, поначалу произносил каждое слово отчетливо и повторял сначала три раза, потом только два и, наконец, когда слово было ему уже знакомо (что я замечал без труда), один-единственный раз. Когда вошло это у нас в привычку, пришлось ему слушать со всем вниманием, дабы слово запомнить, и размышлять, дабы на бумаге его начертать, пока оно еще из памяти не стерлось; так вот, скажите, способен ли мальчик восьми лет пещься о красоте букв, если стремится он слово записать до тех пор, пока его еще не забыл?»²⁵

Именно из-за того, что в данной методике Лагарпа на первый план выходили не буквы, а звуки, великие князья часто подбирали орфографию под то, «как слышится» слово. Так, спустя год занятий Лагарп признавал, что восьмилетний Александр «объясняется по-французски достаточно быстро и с той степенью ясности, что иностранцы без труда его понимают, а также с величайшей легкостью пишет множество слов подряд, услышав их лишь один раз, и делает при этом

²⁴ Письмо Ф.-С. Лагарпа Н. И. Салтыкову, март 1785 г. // Письма. Документы... Т. 1. С. 173.

²⁵ Письмо Ф.-С. Лагарпа Н. И. Салтыкову от 10.7.1785 // Там же. Т. 1. С. 177–179.

лишь те ошибки, которые проистекают из орфографии *звуков*. Швейцарец подчеркивал при этом, что сознательно не стремился пока еще знакомить мальчика с правилами написания слов и избегал «тщательно представлять ему каждое слово грамматически, пока он не будет в состоянии хорошо уяснить его значение»²⁶.

Итогом формирования педагогических концепций Лагарпа стала большая записка от 10 июня 1784 г., в которой швейцарец, опираясь на данное тремя месяцами ранее знаменитое «Наставление» Екатерины II о воспитании своих внуков²⁷ (в свою очередь составленное с опорой преимущественно на педагогические труды Локка), сформулировал «образовательный стандарт» для российских великих князей. К нему он относил преподавание французского языка, истории, географии, математики, физики, философии (а именно нравоучительной, а также логики и метафизики), и в то же время исключал древние языки, в частности латынь называл «бесполезной роскошью». При выборе предметов Лагарп руководствовался следующим принципом: обучаемый призван стать не ученым в какой-либо области (математиком, физиком, логиком, филологом, законоведом и т.д.), но «должен быть честным человеком и просвещенным гражданином и знать преподаваемые предметы настолько ясно, чтобы понимать их значение и иметь ясное сознание своих обязанностей»²⁸. Как кажется, данный принцип Лагарп универсально относил не только к обучению великих князей, но и вообще российской элиты, которую он несколько не отделял от европейской.

Что же составляло, согласно Лагарпу, основные обязанности «честного человека и гражданина»²⁹, к каковым, по его твердому мнению, должен относиться и будущий монарх? Источником их познания в первую очередь являются произведения античных авторов. Лагарп особенно выделяет труды Цицерона, «в безмолвной беседе с которыми укрепляется дух и черпается познание жизни людей»³⁰.

Напитанный этими трудами еще с юности, швейцарец развивает их положения в русле идей Просвещения. Он подчеркивает, что честный человек прежде всего должен знать законы, по которым существует общество: общие принципы возникновения этих законов, а также частный случай их применения в виде законов своей собственной страны (швейцарец подчеркивает, что под последним имеется в виду не точное знание каждого закона, но ясное представление об особенном духе и принципах, присущих конкретному законодательству, которые могут служить руководством в случае необходимости толковать нечеткости или

²⁶ F.-C. de La Harpe à J.-M.-L. Favre, Tsarskoe selo, 8 août 1785 // *Revue historique vaudoise*. 1896. Vol. 4. P. 305.

²⁷ Собственноручный именной указ и наставление императрицы Екатерины II генерал-аншефу Н. И. Салтыкову о воспитании великих князей Александра и Константина от 13 марта 1784 г. // Сборник РИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 301–330. В ГАРФ (Ф. 728. Оп. 1. № 290. Л. 1–26) находится копия «Наставления» в переводе на французский, выполненная рукой Лагарпа.

²⁸ Записка Лагарпа от 10 июня 1784 г. полностью опубликована (на фр. яз.) в кн.: *Сухомлинов. Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I* ... С. 143–164.

²⁹ По-французски Лагарп постоянно использует устойчивые термины эпохи «*honnête-homme*» и «*boncitoyen*».

³⁰ Из сохранившихся материалов Лагарпа по курсу римской истории (BCU Lausanne. Manuscrits, pièces isolées. A 913 / II).

противоречивости формулировок). И если эти навыки должны быть воспитаны у каждого гражданина, то тем более ими должен обладать великий князь — будущий монарх, которому предстоит быть законодателем и верховным судьей своей страны³¹.

Далее, честный человек должен признавать незыблемым принцип: соблюдение законов равным образом относится к каждому гражданину, и ни для кого не существует исключений, тем более для монарха, который есть лишь не кто иной, как первый гражданин своей страны. При этом всякое отступление от данного принципа немедленно будет замечено: «Кем бы ни был человек, он несет ответственность за последствия добрых или дурных примеров, которые он являет; и чем более он образован, чем более на виду, тем более должен он избегать такого примера, который вызывает упреки или осуждения со стороны честных людей»³².

Но как же научиться различать в своих поступках добро от зла, истину от лжи, что тем сложнее для суверена, который постоянно окружен «корыстными советниками»? По мнению Лагарпа, который выражает здесь ведущую аксиому эпохи Просвещения (см., например, написанный в том же 1784 г., что и педагогическая записка Лагарпа, трактат И. Канта «Что такое Просвещение?»), — до истины можно и нужно прийти путем собственного суждения, а лучшим советником является рассудок (*judiciaire*), выводы которого лишены предрассудков или страстей и основаны на фактах. «Двумя единственными и столь простыми источниками истины являются: 1) личный опыт и убеждения; 2) внешние факты и опыт, сообщенный посредством другого»³³.

Отсюда, чтобы в должной мере развивать свою «внутреннюю» способность к суждениям и познавать этот «внешний» опыт, в педагогической системе Лагарпа с непреложностью вытекает изучение наук. Одно из важных мест отведено философии как науке об «искусстве верно мыслить». Последнее означает для Лагарпа «всегда ставить факты в основу своих выводов», а также основывать решения на процедуре доказательств. Будучи, как уже ясно, проводником опытного метода, Лагарп ссылается в своей педагогической записке на труды Локка и Кондильяка (в особенности на книгу последнего «О происхождении человеческого познания»). При этом и философское преподавание морали, нравственности он рассматривает как сугубо практическую науку, «способ ежедневного обхождения с людьми», нахождение подходящей для этого системы отношений. «Без подобной системы человек, даже самый честный, может оступиться и неведуще повести себя в тех поступках, которые бы он конечно же никогда не предпринял бы, если бы увидел, насколько они противоречат принципам, которые он признает в своем сердце»³⁴.

Способом же воспитания нравственности, имеющим особенно большое значение для будущего суверена, Лагарп видит историю. «Всякий гражданин,

³¹ Записка Лагарпа от 10 июня 1784 г... С. 58.

³² Разговор о Сулле (BCU Lausanne. Manuscrits, pièces isolées. A 913 / I).

³³ Черновые учебные заметки Лагарпа «о правах человечества» (*Essai sur les droits de l'humanité*, 1789 г.) (BCU Lausanne. Fonds La Harpe. Db 3).

³⁴ Записка Лагарпа от 10 июня 1784 г... С. 156—157.

желающий приносить пользу своей стране участием в общественных делах, должен изучать историю», писал он, подчеркивая, что изучать ее надо не только на примерах деятелей, облеченных высшей властью, но и на поступках тех людей, которые были далеки от престола, а потому смогли «блистать своим собственным достоинством», величием своих поступков³⁵.

Еще А. С. Уваров подметил, что Лагарп «при изложении исторических событий совершенно упускает из виду философскую критику и обращает внимание только на нравственную сторону, так что его преподавание истории получает вид курса нравственности, самой чистой и самой возвышенной, основанной на исторических фактах»³⁶. Все это преподавалось Лагарпом на отдельных исторических примерах, после описания каждого из которых швейцарец подробно разбирал, какое нравственное заключение может быть из него выведено (разумеется, в первую очередь исходя из мысли о воспитании будущего монарха).

Одним из таких важных уроков была гибельность любой тирании. Человек, который, стремясь к первенству, приносит свободу народа в жертву своему властолюбию, совершает одно из тяжчайших преступлений. А народ, против которого и направлено это преступление, не только способен, но и обязан защищаться от зла, которое ему причинено. Поэтому тиран никогда не может нарушать законы или старинные обычаи своего народа безнаказанно. «Права законного сопротивления принадлежат всем и каждому, и напрасно тираны стараются уверить человечество, что восставать против их гнета будто бы является преступлением». Примеры такого сопротивления Лагарп видит и в древней, и в новой истории — начиная от борьбы против диктатуры Юлия Цезаря и до восстаний швейцарцев в XIV в. против австрийского владычества, а нидерландцев в XVI в. — против испанского³⁷.

Нравственными же властителями, заслужившими доброе слово потомства, являются те монархи, которые соблюдают законы и уважают права своих подданных. В исторических заметках Лагарп вывел целую галерею таких фигур, выделяя среди них Траяна, Марка Аврелия, Генриха IV. Их главными качествами были умение «видеть в поданных себе подобных» и сознание своей обязанности заботиться об их благосостоянии и счастье. Впрочем, как точно указала М. П. Рей, по мнению Лагарпа, сам институт монархии с приписываемым ему божественным происхождением — не более чем обман³⁸, а потому «идеальный» монарх лишь выполняет свой долг перед обществом и только так может добиться сохранения своей власти «прочнее, чем крепости и солдаты».

Обосновав, таким образом, задачи преподавания основных наук, Лагарп останавливался и на средствах к успешному выполнению этого. Он подчеркивал, сколь нужен порядок в занятиях, четкое следование расписанию, необходимость завести у учеников привычку к работе, научить их сдерживать эмоции (а в более старшем возрасте и юношеские страсти)³⁹. Однако в окружающей

³⁵ Записка Лагарпа от 10 июня 1784 г... С. 148–149.

³⁶ Уваров. Указ. соч. Ст. 76–77.

³⁷ BCU Lausanne. Manuscrits, pièces isolées. A 913 / II.

³⁸ См.: Рей. Указ. соч. С. 237.

³⁹ Записка Лагарпа от 10 июня 1784 г... С. 161.

придворной атмосфере швейцарец справедливо усматривал лишь противоположное воздействие, а потому уже с начальных лет преподавания Лагарпа великим князьям звучали обличения двора, которые создавали образ «одиначества честного человека», помещенного в среду, враждебную всякому благу: «Предназначено вам однажды оказаться в окружении льстецов и угодников, которые, умело изучив ваши слабости, будут вам улыбаться, глядя и на ваши ошибки, и на действия похвальные, а таково несчастье, склоняющее людей к вкушению лести, что повторение ее успехов изменит вашу природу, и что ваше самолюбие, возмущенное любым противоречием, настроит вас против истины и заставит вас рассматривать в качестве обиды достойные усилия тех, кто будет иметь благородную смелость эту истину вам представить»⁴⁰.

К концу же преподавания, пережив целый ряд острых придворных конфликтов, Лагарп решительно живописал образ российского двора негативными красками (которые изначально мог почерпнуть из книг Руссо⁴¹), а именно подчеркивал его лень и праздность, фальшь и ложь под маской «светской благопристойности». В занятиях с великими князьями Лагарп пытался сознательно противостоять этому влиянию двора на своих учеников, и даже — как выяснилось не сразу, а постепенно — противодействовал видам самой Екатерины II⁴². В этом смысле Александр вовсе не вырос «бабушкиным внуком», а в значительной мере, именно благодаря результатам педагогики Лагарпа, научился отделять себя от придворной среды, культивировал в себе «руссоистский» идеал частной жизни на лоне природы.

Тем не менее Екатерина II и другие придворные регулярно обращались к Лагарпу за советом по приглашению в Петербург новых швейцарских воспитателей. Так, именно благодаря Лагарпу в 1789 г. своих гувернанток получили старшие внучки Екатерины — Елена и Мария Павловны. Сохранился ряд документов об участии Лагарпа в этом приглашении и составлении контрактов⁴³. Обе гувернантки — Жанна Юк-Мазеле и Эстер Моно — были выбраны среди родственников и друзей Лагарпа в земле Во. При этом он предупреждал своих земляков — не отправляться в Россию необдуманно, с одной лишь надеждой, что они с легкостью найдут благородную семью, которая непременно примет их

⁴⁰ BCU Lausanne. Fonds La Harpe. Db 3.

⁴¹ Уже сразу по приезду в Петербург Лагарп не раз описывал свои отрицательные впечатления от «большого света» в письмах к своему земляку и другу Анри Моно (BCU Lausanne. Fonds La Harpe. H 33).

⁴² Тема положения Лагарпа при российском дворе и его взаимоотношений с Екатериной II выходит за рамки данной статьи. Этот сюжет был подробно разобран нами в упомянутой выше работе (Андреев. Воспитание великих князей Александра и Константина Павловичей глазами Ф.-С. Лагарпа... С. 117–120) и во вступительной статье к первому тому переписки Лагарпа и Александра I (Андреев, Тозато-Риго. Александр I и Лагарп — ученик и учитель в годы революций и либеральных реформ. С. 60–75).

⁴³ В частности, сохранились сформулированные и подписанные Лагарпом условия приглашения в Россию Э. Моно и Ж. Юк-Мазеле (от 23 октября 1789 г.). В них Лагарп, видимо учитывая свой горький опыт придворной службы, в явном виде требовал включения в контракты гувернанток пункта о том, что двор берет на себя расходы на все их повседневные нужды (жилье, питание, карету и проч.): «Les Dames seront logées, nourries, voiturées, servies, en un mot défrayées» (BCU Lausanne. Fonds Huc-Mazelet (IS 4172), 41/9).

на службу. Также предостерегал он и о зависимом характере своей профессии, который познал на собственном опыте. «Эта работа требует величайшего терпения, — писал Лагарп в Швейцарию, — и гораздо большего, чем многие другие; степень подчинения здесь такова, что к ней крайне нелегко привыкнуть»⁴⁴.

Важно выделить ряд качеств, которые особенно ценились в Петербурге в швейцарских воспитателях, так что Лагарп рекомендовал своим землякам обратить на них внимание. На первом месте среди них стояла «республиканская простота», которая в конце XVIII в. уже являлась устойчивой частью сложившегося в Европе «мифа о Швейцарии», поэтому выходцам оттуда необходимо было ему «соответствовать»⁴⁵.

Поясним на примере: когда Екатерина II обратилась с просьбой к Лагарпу найти швейцарских гувернанток для своих внушек, она уточнила, что ищет девушек благородного происхождения, с хорошим образованием, привыкших к обществу, а также хорошо владеющих своим языком и довольно просвещенных, чтобы они были в состоянии составить компанию и вести беседы. Однако когда Лагарп предложил императрице кандидатуры двух девушек из Лозанны, которые уже имели опыт воспитания принцесс в Германии, Екатерина заявила, что это совершенно не то, что ей бы хотелось: «Ей всего лишь нужны простые девушки, которые никогда не видели принцесс и которые воплощают в себе всю простоту своей родины».

Тогда Лагарп, найдя двух девушек среди родственной ему водуазской дворянской среды, настоятельно советовал им после приезда в Петербург вести себя как подобает «настоящим швейцаркам»: «Речь не идет о том, чтобы блистать. Я бы скорее рекомендовал дамам придерживаться простоты в поведении, поскольку предпочтение отдали именно швейцаркам из убеждения, что они отличаются от других простотой, моральной стойкостью и меньшей податливостью»⁴⁶. И проинструктированные в таком духе Лагарпом гувернантки полностью удовлетворили Екатерину II, о чем свидетельствует повторное привлечение Лагарпа в 1794 г. к поиску воспитательниц для младших внушек императрицы⁴⁷.

Подобные примеры швейцарских гувернеров и гувернанток в Петербурге можно умножать: речь идет о сложившемся «национальном стереотипе» образа воспитателей. Так, уроженка Веве Доротея Линхарт, служившая гувернанткой в семье Чернышевых, отмечала в дневнике о главе семьи, графе И. П. Чернышеве: «Он имеет крайне высокое представление о моей нации и считает меня убежденной республиканкой, приученной с самых ранних лет свободно выражать свои чувства»⁴⁸.

⁴⁴ Письмо Лагарпа к Анри Моно от 30.12.1783 (BCU Lausanne. Fonds La Harpe. N 33).

⁴⁵ Обзор европейской историографии о «швейцарском мифе» см. в ст. *Смекалина В. В.* Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер — родоначальник мифа об Альпах // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 184—188; на русском языке по этой теме в первую очередь см.: *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984.

⁴⁶ Подробнее о педагогической деятельности Э. Моно и Ж. Юк-Мазеле в России см.: *Тозато-Риго Д.* «Пользуются репутацией людей порядочных и серьезных»: швейцарские гувернеры и гувернантки в России (1750—1850) // Родина. 2014. № 1. С. 32—34.

⁴⁷ Письма. Документы... Т. 1. С. 265.

⁴⁸ *Fragments du journal d'une gouvernante [Dorothee Lienhard] // Revue suisse. 1841. P. 483.*

Такой образ опять-таки был вполне созвучен педагогике Руссо, и неслучайно Лагарп настойчиво рекомендовал гувернанткам великих княжон использовать труды последнего, и особенно его «Эмиля», в педагогическом процессе — по сохранившимся письмам можно даже сказать, что Лагарп брал на себя роль «идейного наставника» для нового поколения швейцарских воспитателей в Петербурге (те, правда, отмечали, что «книги, которые дает в пользование Лагарп, далеко выходят за пределы необходимого»⁴⁹).

Итак, воспитательные концепции Лагарпа сформировались под влиянием идей Локка и Руссо, и проводником именно этих идей он выступал во время своей педагогической деятельности в Петербурге. Она первоначально отталкивалась от сходных идей, выраженных в «Наставлении» Екатерины II, но постепенно (полностью в соответствии с духом Руссо) вступила в противоречие с придворной атмосферой, да и само воспитание великих князей, основанное на представлениях «о правах и обязанностях честного человека», вовсе не соответствовало тем реалиям жизни, к которой они были предназначены, — о чем их честно и предупреждал Лагарп. Зато традиционно воспеваемая в европейской культуре «швейцарская простота» находила живой спрос в Петербурге, и Лагарп, попавший сюда вследствие дружеских связей с швейцарцами, уже служившими в России, в свою очередь сам стал важным звеном в формировании круга швейцарских педагогов, принимавших активное участие в образовании российской общественной элиты первой четверти XIX в.

Ключевые слова: педагогика, воспитание, Лагарп, Швейцария, Россия, Екатерина II, Александр I.

THE EDUCATIONAL CONCEPTS OF F.-C. LA HARPE AND THEIR FORMING: EUROPEAN IDEALS AND RUSSIAN REALIZATION

A. ANDREJEV

As an actual problem in the modern historical studies is discussed how the educational ideals in the Russian culture were formed and developed. The subject of this article reveals the same problem from the biography of the Swiss pedagogue, who was commended to teach the grandsons of the Russian empress Catherine II, Frédéric-César de La Harpe. In spite of the high reputation of the Swiss tutors at the end of 18th century, La Harpe wasn't a pedagogue by profession — it was rather by chance that his career in Russia went that way. But at the same time La Harpe made great efforts after his appointment to the Russian court in order to become familiar with the

⁴⁹ См. письма Ж. Юк-Мазеле к брату, написанные из России (BCU Lausanne. Fonds Huc-Mazelet (IS 4172)).

main pedagogical literature of his time, and therefore he could “make himself his own position” among other tutors, becoming de facto the main teacher of Alexander I, and had a great influence on the personality of the future Russian emperor. The pedagogical concepts of La Harpe were closely connected with those of Catherine II, formulated in her “Instruction” for her grandson’s teachers and aimed at the formation of a new enlightened monarch for Russia. The “educational standard” by La Harpe included all principal sciences of the Age of Enlightenment, with the stress on history and philosophy, as well as “civil education”, which was meant to help the future ruler to make a “clear concept of his duties”. But here a realization of these ideas was opposed by the court milieu and led to the number of conflicts, which caused the generally uncompleted character of the education of Alexander I.

Keywords: pedagogy, education, La Harpe, Switzerland, Russia, Catherine II, Alexander I.

Список литературы

1. Альбина Л. Л. Личная библиотека Фредерика Сезара де Лагарпа // Книга в России: Век Просвещения: Тезисы доклада 4-й Всесоюзн. научн. конф. (Ленинград, 11–13 дек. 1990 г.). Л., 1990. С. 123–125.
2. Андреев А. Ю. Воспитание великих князей Александра и Константина Павловичей глазами Ф.-С. Лагарпа // Филаретовский альманах. Вып. 9. М., 2013. С. 90–122.
3. Андреев А. Ю. «Записки» Ф.-С. Лагарпа как источник по истории России конца XVIII — начала XIX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 4 (53). С. 7–22.
4. Андреев А. Ю. Переписка Александра I с Ф.-С. Лагарпом: история бытования // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 21–30.
5. Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы: В 3т. Т. 1: 1782–1802 / А. Ю. Андреев, Д. Тозато-Риги, сост., коммент. М., 2014.
6. Глинский Б. Б. Республиканец при русском дворе // Исторический вестник. 1888. Т. 34. № 10. С. 54–96.
7. Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.
8. Рей М. П. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель будущего императора Александра I // Французский ежегодник. 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М., 2011. С. 233–244.
9. Сафонов М. М. «Господин Александр» и Салтыковы // Родина. 2005. № 3. С. 38–42.
10. Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1870. Т. 5. С. 1–121.
11. Смекалина В. В. «Когда судьба велит вам быть в Лозанне...»: Русские путешественники в кантоне Во в последней трети XVIII — первой трети XIX в. // Родина. 2013. № 6. С. 56–58.
12. Смекалина В. В. Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер — родоначальник мифа об Альпах // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 184–188.
13. Солодянкина О. Ю. Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) // Отечественная история. 2008. № 4. С. 9–23.
14. Строев А. Ф. «Выбор гувернера»: Фридрих Цезарь Лагарп, Фридрих Мельхиор Гримм и Карл Фридрих Тиманн // Французский ежегодник. 2011: франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. С. 218–232.
15. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889. Т. 2. С. 37–142.

16. Тихонова А. В. Швейцарские учителя в России в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.
17. Тозато-Риго Д. «Пользуются репутацией людей порядочных и серьезных»: швейцарские гувернеры и гувернантки в России (1750–1850) // Родина. 2014. № 1. С. 30–34.
18. Тозато-Риго Д. Семья Головкиных: русские аристократы на республиканской земле // Родина. 2014. № 1. С. 18–20.
19. Уваров А. С. Бумаги Лагарпа, хранящиеся в публичной библиотеке в Лозанне // Русский архив. 1869. Кн. 1. Ст. 75–81.
20. Шильдер Н. К. Император Александр I: его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1897.
21. Bader P.-L. Un Vaudois à la cour de Catherine II: François de Ribaupierre (Ivan Stepanovitch), 1754–1790. Lausanne; Genève, 1932.
22. Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre I-er, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille impériale de la Russie (publiée par J. Ch. Biaudet et F. Nicod). Neuchâtel, 1978. Vol.1.
23. Deux siècles de présence russe en Pays de Vaud (sous la dir. de D. Auberson et O. Meuwly). Genève, 2013.
24. Goehrke C. Die Auswanderung aus der Schweiz nach Russland und die Russlandschweizer. Eine vergleichende Forschungsbilanz // Revue suisse d'histoire. N° 48 (1998). P. 291–324.
25. Rey M.-P. Alexandre Ier. P., 2009.
26. Rey M.-P. De Rolle à Saint-Petersbourg, l'itinéraire d'un homme d'influence, F.-C. de La Harpe, précepteur et confident du tsar Alexandre Ier // Frédéric-César de La Harpe. 1754–1838 (sous la direction d'Olivier Meuwly). Lausanne, 2011.
27. [Schneider L.] Le gouverneur d'un prince. Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier de Russie. D'après les manuscrits inédits de F.-C. de Laharpe et les sources russes les plus récentes. Lausanne; P.; Fribourg-en-Brisgau, 1902.